

Хутуев Рамазан Григорьевич

Khutuev Ramazan Grigorievich

аспирант кафедры философии
Северо-Кавказского федерального университетаPhD student, Philosophy Department,
North Caucasus Federal University**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ****EXISTENTIAL
CHARACTERISTICS OF
EXTREMENESS
IN MODERN SOCIETY****Аннотация:**

В статье выявляются экзистенциальные аспекты различных проявлений экстремальности в современном обществе, которое можно маркировать как общество риска, информационное, конsumeristское и т. д. Экстремальность понимается как пограничная ситуация, которая характеризуется максимально крайними значениями. Получая в современном обществе широкое распространение, она начинает существенно влиять как на функционирование всех сфер общественной жизни, так и на жизнедеятельность самого человека. Охарактеризованы две основные экзистенциальные ипостаси экстремальности: экстремальность как способ бытия, или пограничная ситуация, обозначающая возможности подлинного существования, и экстремальность как социальная активность человека, характерная для нестабильного социума. Обоснован тезис, что в обоих случаях экстремальность характеризуется экзистенциальной оппозицией «конструкция – деструкция». Она может нести в себе угрозу, но также способна стимулировать появление новых поведенческих форм, компенсирующих недостаточность существующих конфигураций общественной жизни.

Ключевые слова:

экстремальность, пограничная ситуация, экзистенциальная безопасность, современность, общество риска, общество потребления, экзистенциальный вакуум, страх.

Summary:

The paper reveals the existential aspects of various manifestations of extremeness in the modern society, which can be marked as a risk, information or consumer society. Extremeness is understood as a borderline situation characterized by the most extreme values. As extremeness becomes a widespread phenomenon in modern society, it begins to affect significantly both all areas of public life and the life of a person. The research describes two basic existential facets of extremeness: extremeness as a way of being, or a borderline situation indicating the possibility of true existence, and extremeness as the human social activity, which is typical for the unstable society. The paper substantiates the thesis that in both cases extremeness is characterized by the existential construction-or-destruction opposition. It can not only pose a threat but also stimulate the emergence of the new behavioral forms to compensate for the lack of existing social configurations.

Keywords:

extremeness, borderline situation, existential security, modernity, risk society, consumer society, existential vacuum, fear.

Одной из распространенных концептуализаций современного социума является обозначение его в качестве «общества риска», в котором человек окружен угрозами и опасностями самой различной природы (социальными, технологическими и т. д.), провоцирующими выход жизненных ситуаций из-под его контроля. Это обозначение маркирует открытый социум высокого уровня сложности, появление которого детерминировано глобализационными процессами и распространением информационных технологий. Для него характерны мозаичность общественных структур, неопределенность и ситуативность социальных процессов, что приводит к широкому распространению явлений, выходящих за пределы нормы или находящихся на ее грани. Подобные явления, называемые экстремальными, начинают существенно влиять как на функционирование всех сфер общественной жизни, так и на жизнедеятельность самого человека, ее смысловые и экзистенциальные характеристики.

Еще в середине XX в. влияние экстремальности на человека было тематизировано в философии экзистенциализма посредством рассмотрения таких категорий, как «пограничная ситуация», «абсурд», «страх», «тошнота» и пр. Философы этого направления акцентируют внимание на временности и конечности человеческого существования, а также на его открытости и независимости от внешней предопределенности, вследствие чего оно приобретает трагическую окраску. Жизнь человека хрупка, поскольку мир пронизан абсурдом и полон угроз, поэтому, с одной стороны, человек испытывает страх, а с другой, вынужден «заботиться» о собственном существовании. Эта свобода, отягощенная ответственностью, также несет элементы трагичности.

Такое понимание человеческого существования приводит сторонников экзистенциализма к особой трактовке проблемы экстремальности. Человеческое бытие занимает промежуточное место

между трансцендентным и социальным, а также между Бытием и Ничто. Именно поэтому с наибольшей полнотой эта проблема может раскрыться при попадании человека в пограничные ситуации.

Практически все экзистенциалисты отмечают, что повседневная жизнь человека имеет характеристики «несобственного», или «неподлинного», бытия. Это жизнь «по типу других», усредненная, ориентированная на то, как поступают и делают все. В «неподлинном бытии» мир человека обезличен, поэтому, чтобы найти «просвет» к подлинности, он должен получить своеобразную встряску, попасть в пограничную ситуацию. Представители экзистенциализма определяют ее по-разному. Для М. Хайдеггера она связана с экзистенциальным бытийным ужасом, который, в отличие от житейского страха, не связан с повседневными боязнями и переживаниями, а представляет собой осознание смертности. Именно перед лицом смерти человек задумывается о своем земном предназначении. Для К. Ясперса пограничные ситуации связаны с переживанием тяжелых болезней, смертельных опасностей, вины или утраты близких. Для Ж.-П. Сартра, обозначающего пограничную ситуацию терминами «тошнота» и «скука», она связана с осознанием бесосновательности надежд и ожиданий, а также бесполезности собственных усилий. Она также порождает метафизический страх как страх перед самим собой, своей свободой и возможностями. Однако все эти философы сходятся в одном: пограничная ситуация – это стрессовое состояние, связанное с обнаружением Ничто, с переживанием страха смерти и абсурдности жизни.

Пограничная ситуация представляет собой своеобразный прорыв к Ничто, или выход за пределы всякого сущего, всякой предметности. Устремленность к Ничто представляет собой выражение нашей конечности, но одновременно означает вступление в подлинное бытие. Пограничная ситуация по сути экстремальная ситуация. Именно в этом нахождении «на грани» человек способен соприкоснуться с высшим бытием – «трансценденцией», которое остается недоступным для него в обыденной жизни. Одновременно с этим у него появляется возможность прорваться к своей самости и обрести собственное «я». Таким образом, экстремальность как пограничность приобретает особый экзистенциальный смысл, позволяет человеку вырваться из обыденности, испытать метафизический ужас встречи с Ничто, осознав свою конечность, и в то же время обрести подлинного себя, перейти к своей автономности как самозаконности.

Таким образом, в философии экзистенциализма впервые понятие экстремальности было введено в категориальное поле оппозиции «повседневность – неповседневность». Это позволило в дальнейшем рассматривать экстремальность не как изолированный феномен, а как «...континуальное, свершающееся историческое бытие личности в многообразном, многомерном, мультикультурном, разнородном совместном мире» [1, с. 31]. Экстремальность выступает в качестве транзитивного феномена, позволяя человеку реализовать новый опыт неповседневного существования. В этой ситуации бытие человека осуществляется в горизонте дилеммы «жизнь – смерть», позволяя проникнуть ему в новые смысловые слои. Человек использует опыт переживания экстремальной ситуации для интерпретации и понимания своего существования, поиска новых жизненных ориентиров [2, с. 32].

При этом экстремальная ситуация открывает двойственную возможность конструкции – деструкции. Поскольку для нее характерно резкое отклонение от нормы, ситуация выступает в качестве новой, незнакомой, в которой перестают действовать стереотипные схемы поведения. Вследствие этого, а также из-за того, что экстремальная ситуация может угрожать жизни и здоровью, у человека возникает необходимость быстрой адаптации, а значит, требуются повышенная концентрация внимания, мобилизация физических и духовных сил. Конечно, экстремальность несет угрозу, доставляя человеку боль и страдания, ставя его в ситуацию нелегкого жизненного выбора. Она может вызвать депрессию или, напротив, пробудить агрессивное поведение. Но помимо этого, она стимулирует появление новых поведенческих форм, компенсирующих недостаточность существующих конфигураций общественной жизни. Переживание этой ситуации стимулирует развитие человечности и духовности, способствует развитию трансгрессивных переживаний и открытию новых смысловых перспектив [3, с. 33].

Эволюция социальной жизни во второй половине XX столетия дала основания для углубления представлений об экзистенциальных характеристиках экстремальности. С одной стороны, усложнение общества ведет к усилению неопределенности, а значит, увеличивает нестабильность, что расшатывает устоявшиеся структуры повседневности, провоцирует нарастание неуверенности в завтрашнем дне. С другой стороны, совершенствование технико-технологических компонентов социума повышает комфортность и безопасность жизни, увеличивает доступность многих материальных благ, на фоне чего возникает стремление к новым экстремальным видам деятельности и формам самореализации. В основе этих, противоположных на первый взгляд, тенденций лежит усиление индивидуализации, характерное для постсовременных обществ [4, с. 103].

Ценность индивидуализма можно назвать одним из отличительных признаков западной культуры. С ней неразрывно связаны соревновательность, самостоятельность и стремление к успеху, являющиеся важными чертами характера западного типа личности. Постсовременное (глобальное) общество стимулирует расширение индивидуализации за счет дестрадиционализации социальной жизни и усиления ее рефлексивности. Однако последствия этих процессов не

всегда исключительно благоприятны, и дело здесь не только в усиливающейся конкуренции, кризисе социального доверия и страхе неудачи. Как отмечает З. Бауман, «в приватизированном существовании есть много радостей: свобода выбора, возможность испробовать многие жизненные варианты, шанс сделать себя соответственно личным представлениям. Но в нем есть и свои горести: одиночество и неизлечимая неопределенность относительно наиболее желательных из уже сделанных и предстоящих выборов» [5, р. 275]. Действительно, в условиях ослабления традиций или их взаимопересечения люди получают большую свободу выбора, возможность самостоятельно строить и контролировать свою жизнь. Но это подрывает их экзистенциальную безопасность, усиливая неопределенность жизненных траекторий.

Одним из своеобразных проявлений индивидуализма западной культуры является распространение идеологии консюмеризма и, соответственно, потребительских практик. Бытие в этой традиции рассматривается как совокупность тел, а взаимоотношение с ним – как обладание этими вещами. Система ценностей, сформировавшаяся в рамках общества потребления, побуждает человека к увеличению своего обладания вещами, что символизирует для него не только материальное положение. Потребительство проникает в сферу коллективного сознания, вследствие чего и вещи, и само потребление начинают приобретать символическую важность, демонстрируя социальный статус и высокое положение в социальной иерархии. Можно сказать, что консюмеризм размывает традиционный микрокосм повседневной жизни, в котором приоритет отдавался духовным аспектам, духовности как экзистенциальной ценности. Человек потребительского общества, как правило, ориентирован на ценности инструментального характера, позволяющие достичь успеха и социального статуса [6, р. 413]. Редукция духовных ценностей к материальному потреблению ведет к экзистенциальному вакууму, который порождает социальную апатию, ощущение бессмысленности существования, проявляется в хронической усталости.

Эти тенденции усугубляются в связи с распространением информационных технологий, которые коренным образом преобразили традиционную систему общения индивидов в конце XX – начале XXI в. Они не только значительно расширили рамки привычного мира человека, но и создали возможности обширного манипулятивного воздействия на представления и эмоции [7, с. 9]. Это, с одной стороны, способствует распространению консюмеристских ценностей, а с другой – усиливает массовые страхи, зачастую даже провоцирует их появление и распространение, что еще больше деформирует систему экзистенциальной безопасности личности.

Переживание экзистенциального вакуума может иметь различные последствия – от постепенного «ухода» личности от реальности до девиаций различного уровня. Человек, оказываясь в «бессмысленном» мире, склонен к проявлению агрессии, нарушению социокультурных норм. Получается, что экстремальность становится практически «нормальным» способом взаимодействия человека с непредсказуемым и лишеным смысла миром. Это позволяет некоторым авторам говорить о появлении человека экстремального, или Homo extremality [8, с. 103]. В числе его существенных особенностей отмечаются спонтанность, способность к совершению действий, противоречащих разуму и устоявшимся традициям. Однако он также склонен к самостоятельности, новациям, независим от посторонних оценок и способен на нестандартные поступки. Поэтому активность человека экстремального нельзя оценить однозначно. Скорее, его поступки, как и их последствия, будут зависеть от умения общества оформить его пассионарную энергетику и придать ей конструктивное и трансгрессивное направление.

Таким образом, в современном обществе отчетливо прослеживаются две основные экзистенциальные характеристики экстремальности, впрочем, взаимосвязанные друг с другом. Первая из них связана с рассмотрением экстремальности как способа бытия или характеристики существования человека. В этом случае она представляет собой пограничную ситуацию, высвечивающую возможности подлинного бытия человека. Вторая характеризует социальную активность членов общества, направленную на преодоление крайне неблагоприятных условий или адаптацию к ним. В обоих случаях экстремальная ситуация характеризуется оппозицией «конструкция – деструкция».

Ссылки:

1. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 28–38.
2. Там же. С. 32.
3. Там же. С. 33.
4. Сергодеева Е.А. Экзистенциальная безопасность личности в ситуации глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 12. С. 99–107.
5. Bauman Z. Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Oxford ; Cambridge (Mass.), 1995. 300 p.
6. Spirituality in Russian Youth System of Values in the Context of Consumer Ideology Escalation / D.V. Filyushkina, N.A. Mulikova, N.A. Popova, E.V. Saprykina, E.A. Sergodeeva // Man in India. 2017. Vol. 97, no. 15. P. 405–420.
7. Лежебоков А.А., Оноприенко А.В. Современные концепции социальной коммуникации // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 4. С. 9–12. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.4.1>.
8. Чудина Н.В. Homo extremality – человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27 (66), № 1–2. С. 99–104.